

СЛУХИ ИСПЛЕТНИ В СРЕДЕ УКРАИНСКОЙ, РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРАЖСКИХ ЭМИГРАЦИЙ (1921–1939 гг.)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264а.

RUMORS AND GOSSIP AMONG THE UKRAINIAN, RUSSIAN AND BELORUSSIAN EMIGRATION IN PRAGUE (1921-1939)

*O. Zubko
A. Suslov*

Annotation

Discusses the role of rumors and gossip among the Russian, Ukrainian and Byelorussian emigration communities in interwar Czechoslovakia (1921–1939). Proposes the periodization of the activities of emigrant communities in the interwar period, taking into account the international situation and the situation in the Soviet Union. Draws attention to the fact that the rumors and gossip as informal information processes, in a historical context are specific cultural and communicative practices, leaving their reflections and echoes. And with these traces and manifestations in the human memory and have to face the historian. Specifies the interpretation of the concepts "hearing"/"gossip", their differences and classification of expressive and informational parameters. Notes social and psychological role of rumors and gossip. Stresses the importance of rumors and gossip indication of public sentiments and dispositions in the absence of or insufficient development of democratic institutions. Illustrated rumors—frightened and aggressive rumors, rumors—wishes and false rumors on the examples of emigration. We summarize their positive and negative aspects, the role of gossip in the formation of the emotional sphere of immigrants into the European and Soviet information flows in Czechoslovakia from the interwar period.

Keywords: emigration, Czechoslovakia, community, information, socialist–revolutionaries, rumors, rumors–frightened, aggressive rumors, untrue rumors, gossip.

Зубко Ольга Евгеньевна
К.ист.н., Центр международных связей
и деятельности, Винницкий
национальный аграрный университет
Суслов Алексей Юрьевич
Д.ист.н., профессор,
каф. гуманитарных дисциплин,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет

Аннотация

Рассматривается вопрос о роли слухов и сплетен в среде российской, украинской и белорусской эмиграционных общин междувоенной Чехословакии (1921–1939 гг.). Предлагается периодизация деятельности эмигрантских сообществ в междувоенный период с учетом международной обстановки и ситуации в Советском Союзе. Обращается внимание на то, что слухи и сплетни, как неформальные информационные процессы, в историческом контексте являются особой культурной и коммуникативной практикой, оставляющей свои отражения и отголоски. И именно с этими следами и манифестациями в человеческой памяти и приходится сталкиваться историку. Указывается трактовка понятий "слух"/"сплетня", их различия и классификация по экспрессивному и информационному параметрам. Отмечается социальная и психологическая роль слухов и сплетен. Подчеркивается значение слухов и сплетен индикация общественных настроений и диспозиций в условиях отсутствия или недостаточного развития демократических институтов. Проиллюстрированы слухи–пугала, агрессивные слухи, слухи–желания и недостоверные слухи на примерах эмиграции. Подытожены их позитивная и негативная стороны, обозначена роль слухов и сплетен в формировании эмоциональной сферы эмигрантов с учетом европейских и советских информационных потоков в Чехословакии междувоенного периода.

Ключевые слова:

Эмиграция, Чехословакия, общины, информация, социалисты–революционеры, слухи–желания, слухи–пугала, агрессивные слухи, недостоверные слухи, сплетни.

Слухи и сплетни – неформальные массовые информационные процессы. Они – особый пласт не только человеческого общения, но и человеческой культуры в целом; пласт, отметим, существующий и развивающийся совершенно независимо от нашего к нему отношения. Говоря о слухах и сплетнях, мы подразуме-

*Есть только две поистине захватывающие темы,
достойные серьёзных рассуждений: сплетни и
метафизика.*

Иосиф Бродский

меваем, в первую очередь, их негативный контекст, но, как и всякая медаль, имеющая две стороны, слухи и сплетни имеют и свою иную – "светлую" сторону.

Западные исследователи, такие как Ф.Бартлетт, К.Киркпатрик, Г.Олпорт еще в 1920–1930 гг. высоко оценили ту роль, которую играли слухи и сплетни в формировании психологии масс и в управлении массовыми процессами [1]. В результате, слухи и сплетни быстро попали в объектив целенаправленного и тщательного изучения психологов и политологов. Политики и идеологи стали активно использовать на практике и в своих собственных интересах закономерности возникновения и распространения слухов и сплетен. По многочисленным оценкам авторитетных западных специалистов, информационное воздействие на население с помощью слухов и сплетен и тогда (в 1920–1930 гг.), и ныне стоит практически в одном ряду с воздействием через прессу, радио, театр, телевидение и кино [2, с. 64].

В историческом специфическом контексте, слухи и сплетни являются особой культурной и коммуникативной практикой, используемой как индивидами и группами, так и обществом и государством, и выполняют важные социальные функции: формирование и выражение наиболее распространенных социальных страхов и ожиданий; артикуляция критики и сопротивления; сплочение "несогласных" групп населения; коммуникация, способствующая формированию социальной идентичности и "чувства принадлежности"; обеспечение индивидов ориентирами для интеграции их в сообщества и группы; неофициальное управление обществом, особенно в критических ситуациях; индикация общественных настроений и диспозиций в условиях отсутствия или недостаточного развития демократических институтов [3].

Для историка исследование слухов и сплетен тяжело потому, что ему приходится сталкиваться не столько, собственно, со слухами и сплетнями, сколько с их отголосками и отражениями. Фактически, изучаются не слухи и сплетни, как таковые, а их следы и манифестации в человеческой памяти, в текстах, визуальных образах, телесных и коммуникативных практиках, документах и материальных объектах.

Разберемся поочерёдно, что же такое "слух", а что же такое "сплетня".

Определений, что такое "слух", существует множество, вот лишь несколько из них. По Капфереру, например, слух – это "процесс возникновения и циркуляции в обществе информации, либо еще публично не подтвержденной официальным источником, либо уже опровергнутой им" [4, с. 62]. В психологическом словаре дается следующее определение: "Слух – это специфический вид неформ-

альной межличностной коммуникации, в процессе которой сюжет, до известной степени отражающий некоторые реальные или вымышленные события, становится достоянием обширной диффузной аудитории" [5, с. 481]. Но в целом, слух – это сообщение о важном для аудитории событии, которое устно передается от одного человека другому, и достоверность которого на момент распространения не установлена.

"Сплетня" – одна из разновидностей "слуха". "Сплетня" уже – слух о ком-либо или о чем-либо, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях. Как правило, внешне сплетни всеми осуждаются как проявление поверхностных интересов, погони за сенсациями, проявления интриганских методов и так далее. Тем не менее, сплетни всегда сохраняют свою живучесть и определенное место в общественных отношениях, что обусловливается прежде всего многообразием социальных и психологических функций сплетен. При этом, отличие сплетен от слухов в том, что слухи обычно касаются всех – в этом залог их массовости и массивной их циркуляции. Тогда как сплетни касаются немногих, однако, это именно те немногие, которые интересуют всех.

"Слухи" и "сплетни" бывают разными, и, соответственно, существует множество оснований, по которым их можно классифицировать. Так же многообразна и классификация истории междувоенной русской, украинской и белорусской пражской эмиграции.

Жизнь и деятельность украинской, русской и белорусской пражских эмиграционных общин условно подразделяется на три периода: 1921–1925 гг.; 1925–1933 гг.; 1934–1939 гг.

1921–1925 гг. характеризовались постепенной стабилизацией всех сфер их жизни, приобретением ими (общинами) черт своеобразного социума с четкой внутренней организацией, активной политической, общественной и культурной жизнью. Что объяснялось, во-первых, взвешенной позицией чехословацкой демократии, а во-вторых, собственно, социальной структурой самих эмиграционных общин: преобладанием в их среде интеллигенции и рабочих, активных в национально-освободительных противостояниях 1917–1921 гг.

1925–1933 гг. были периодом "смены вех". В 1925–1929 гг. эмиграционная "концепция скорого возвращения", привязанная к сворачиванию "Российской вспомогательной акции", потерпела фиаско в борьбе с достижениями "новой экономической политики" в СССР. А в БССР и УССР она (концепция) натолкнулась к тому же на активное внедрение в общественно-культурную жизнь республик процессов белоруссизации и украинизации. Тогда как в 1929–1933 гг. эмиграционная "концепция быстро-

го возвращения", ослабленная мировым экономическим кризисом, проиграла битву советским индустриализации и коллективизации (первая и начало второй "пятилеток") как в РСФСР, так и в УССР, и в БССР. Небольшой реванш смогла взять только украинская эмиграция, когда за рубеж просочилась информация о масштабном голоде 1932–1933-х гг. в советской Украине.

А вот 1934–1939 гг. для всех трёх пражских эмиграционных общин были годами изменений собственных тактик и стратегий с учетом как чехословацких с советскими, так и мировых политических реалий. Собственно, в самой ЧСР с 1934 г. развернулась острая внешнеполитическая борьба, в которой уже задавали тон чехословацкие национал-социалисты и коммунисты. Результатом чего стало установление в 1934 г. между ЧСР и СССР официальных дипломатических отношений. А в 1935 г. ЧСР и СССР заключили Договор о взаимной помощи. Когда в самой Европе на исторической арене все сильнее о себе заявляли, помимо коммунизма, фашизм с национал-социализмом. В таких обстоятельствах, каждая из общин поступила по-своему. Русская эмиграционная община, с традиционно сильными монархическими убеждениями, передислоцировалась окончательно из ЧСР в Германию, Югославию, Болгарию и во Францию – страны "исконно монархические" и политически авторитарные. "Пражские украинцы", разделённые на монархистов, социалистов, демократов и националистов, частично преодолели Атлантику и высадили свой новый десант в Канаде и США, а частично – остались в ЧСР. А вот белорусская эмиграционная община, следовавшая тем же политическим фарватером, что и "пражские украинские социалисты", не только осталась в ЧСР, но и в 1938 г., после Мюнхенского соглашения, добровольно и осознанно попросила протекции Третьего Рейха.

Как уже было сказано, слухи бывают разными, и, соответственно, существует множество оснований, по которым их можно классифицировать. Так, слухи различают по их содержанию (политические, экономические, экологические); временной ориентации (касающиеся прошлого, предсказывающие); типу происхождения (спонтанные, преднамеренные) и по отношению к реальности (рациональные, фантастические). Чаще всего для распределения слухов используют два классификационных параметра – экспрессивный и информационный. По экспрессивному параметру различают три типа: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух. Тогда как по информационному: абсолютно недостоверные, просто недостоверные, достоверные и близкие к действительности.

Слухи-желания – это слухи, содержащие достаточно сильное эмоциональное желание, отражающее некоторые актуальные потребности и ожидания аудитории, в ко-

торой они возникают и распространяются. Ярким примером слуха такого рода в среде пражских россиян, украинцев и белорусов был слух о кончине "вождя мирового пролетариата" – В.И.Ленина, а значит о скором возможном возвращении домой.

Этот слух нашел свою аудиторию в среде преподавателей и студентов Украинской Сельскохозяйственной (экономической) Академии в Подебрадах в январе–марте 1924 г. Куратор Академии и лидер украинской пражской общины в ЧСР – Никита Шаповал в то время сблизился с лидером белорусских эсеров Томашем Грыбом. Именно Грыб, в свою очередь, поддерживающий дружеские отношения с Виктором Черновым, – лидером русских эсеров, ознакомил Шаповала с очерком Чернова о восьми лидерах Партии социалистов-революционеров (правых эсеров). В данном очерке, в частности, характеризую Михаила Гоца, Виктор Михайлович дал точную и исчерпывающую характеристику В.Ленину, отметив, что последний соединял в себе все классические черты "вожака":

"Основною чертою Ленина была органическая властность его натуры. Он в лучшие свои моменты чуждался честолюбивого тщеславия, но не доминировать своею волею над чужими для него значило бы перестать быть самим собою. Он безгранично верил в правильность своего чутья, своего инстинкта рулевого, дающего посреди рифов правильное направление кораблю.... Ему иногда удавалось заявлять наполовину в шутку, наполовину всерьез, что он знает в партии только двух "настоящих большевиков" – самого себя и... Надежду Константиновну Крупскую. В коллективах, решающих дело большинством голосов, Ленину случалось оставаться в меньшинстве, но он обладал искусством маневрировать и, разбив на части большинство, загнать вопрос в тупик, чтобы потом брать несогласных "измором" и грозить разрывом или даже прямо идти на разрыв. Ленин, наконец, обладал даром почти гипнотизирующего психологического воздействия на толпу, основанного на почти безошибочном чутье ее слабых сторон: оно и было ключом к всепобеждающему демагогическому упрощенству. Был у Ленина и еще один природный дар "вожака": он, как никто, умел разжигать страсти в междоусобицах, одновременно "сглаживая" у "своих" все острые углы, цементируя их товарищеским добродушием и щедро расточаемой заботливостью о тех, кого наметил в состав своих твердых приверженцев" заботливостью о тех, кого наметил в состав своих твердых приверженцев" [б;с. 215–216].

Позитивная характеристика "вождя трудового пролетариата" одновременно с известием о его смерти выплеснулась из стен УСА и снежным комом пронеслась среди пражских эмиграционных общин. Междоусобная эмиграция в какой-то мере даже воспрянула духом, так

как не видела после смерти В.Ульянова нового сильного лидера в большевистской среде. А еще наивно надеялась, что смерть Ульянова похоронит большевистский эксперимент в целом. Таким образом, она (эмиграция) получала, казалось бы, самый настоящий "козырный туз" в руки – возможность реванша, еще один политический шанс.

Но..... Этот слух–желание просуществовал всего лишь к апрелю 1925 г., когда эмиграции стало понятно, что в борьбе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым побеждает Сталин. Окончательно его похоронило начало периода "смены вех", когда часть эмиграции решила на возвращение в СССР, "окрыленная" информацией одостижениях "новой экономической политики", в первую очередь, курсом "Советов" на ликвидацию безграмотности и безработицы.

Понять мотивы "возвращенцев" (психологический фактор) вполне возможно. Чехословацкий рынок труда активно защищался от пришельцев, не были регулярными выплаты "Российской вспомогательной акции". А ведь прожиточный минимум русского, украинского и белорусского эмигранта в 1923 г. составлял всего 1000 чехословацких крон в месяц. И это при условии, что пара ботинок стоила от 80 до 180 крон, костюм – 200–800 крон, пальто – 250–700 крон, мужская рубашка – 35–100 крон, проезд в трамвае – 1–3 кроны [7, с. 126]. Надо отметить, что соотношение чехословацкой кроны к американскому доллару в 1923–1933 гг. составляло 100:2,96. То есть, сто чехословацких крон равнялось двум долларам девяносто шести центам [8, с. 45]. Таким образом, месячный прожиточный минимум белорусского, украинского и русского эмигранта в ЧСР в 1923–1933 гг. составлял 29 долларов 60 центов. Эмиграция, фактически, жила впроголодь, была раздета и разута, не имела домашнего очага и стабильного заработка.

Слухи–пугала – это слухи, несущие и вызывающие выраженные эмоционально негативные, пугающие настроения и состояния, отражающие некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. В среде пражских украинцев, россиян и белорусов таким слухом были возможные политические репрессии по отношению к "возвращенцам" или же оставшимся в Советском Союзе родственникам. Слух был настолько устойчив и живуч, что по этой причине эмиграция старалась не шибко афишировать свое пребывание "за кордоном". По этой же причине она (эмиграция) была осторожна в своих воспоминаниях, документации и архивах.

Рациональное зерно в "эмигрантской боязни" репрессий, конечно же, было. Для обеспечения стабильности своего культа, Сталин поддерживал в обществе атмо–

сферу страха. С этой целью организовывались судебные процессы над интеллигенцией, мифическими "вредителями", "шпионами" и "врагами народа". Устроители судебных спектаклей преследовали и более масштабную цель: сгустить в стране атмосферу недоверия и подозрительности. Ведь в таком случае, народ становился более управляем. Так, И.В.Сталин в 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) заявил, что "по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться". Максим Горький в 1930 г. дополнил этот тезис фразой: "Если враг не сдаётся – его уничтожают".

Часто в дневниках или путевых заметках пражских украинцев, белорусов и россиян, (как профессуры, так и студентов), отмечается увиденное, услышанное, пережитое:

"... Нам було тяжко, неймовірно тяжко від усього, в першу чергу від самого отакого емігрантського життя!!!! Але ми студенти, не пропускали жодної нагоди, щоб подивитись на щось нове, мати свою думку, вдумайтесь, свою думку, яку нам вдома заборонялося і забороняється мати!..... В Празі гостював Український хор Олександра Кошиця. Це було чудо гармонії і краси голосів, виняткова злагожденість. Бувало, Кошиць стоїть із закладеними назад руками, а хор звучить. Після концерту вся публіка ринула до сцени з оплескам, що переходили в овацію. Сам великий знавець музики професор Зденек Неєдлі був в нечуваному захопленні. Іншим разом ми бігали усі на Слов'янський острів, тобто на Жофін, де вперше з'явилась платівка (грампластинка) і професор-спеціаліст з питань радіо давав нам усім пояснення. Це було неабияке диво, якого ми неминуче були б позбавлені вдома. Згодом до Праги прибув Шалаяпін. Квитки на концерт дорогі. Треба було обов'язково купувати книжечку з репертуаром пісень, які він співав. Зі сцени Шалаяпін називав сторінки збірника і коли шелест сторінок затихав, він співав. Співав також Баттістіні та інші вокалісти, виступав італійський диригент Молінарі, йшли концерти чеського скрипаля Коцяна та інших. Приїздив з Індії знаменитий Рабіндранат Тагор і виступав на сцені Громадського дому, не стільки декламуючи, скільки співаючи свої поезії. Нас, студентів Академії (Академіиисскуств) хвилювала конференція архітекторів, у якій брали участь люди світової слави - німці Вальтер Гропіус і Адольф Лозе, француз ЛеКорбюзьє і чеські конструкторівисти...." [9, с.286].

Агрессивные слухи – слухи, не просто вызывающие выраженные эмоционально негативные настроения и состояния, а и отражающие некоторые актуальные нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются, конкретно направленные на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и

вполне определенного поведенческого "ответа", жестоко агрессивного действия.

Так, весной 1923 г. среди эмигрантов в ЧСР (и не только в этой стране) начали распространяться слух о заговоре в Кавказской армии. Москва поспешила развеять эти слухи, официально заявив, что "заговор был, но среди младшего комсостава из донских и кубанских казаков". Через год, в феврале 1924 г., вновь заговорили о заговоре и возможном военном перевороте в Советской России. В качестве лидера военной оппозиции действующей власти чаще всего называли Михаила Тухачевского. Эти разговоры эмигрантов можно было бы оставить без внимания, если бы сам Тухачевский не стал главным фигурантом оперативного дела Особого отдела Западного фронта под № 218, на обложке которого было написано его название: "Теплая компания".

Оперативное дело "Теплая компания" было начато 14 октября 1922 г. Основные фигуранты: Михаил Тухачевский и начальник его штаба С.Меженинов. Оба подозревались в незаконном использовании народного имущества и во взяточничестве. Среди выдвинутых Михаилу Тухачевскому обвинений: прием разного рода подношений от подчиненных; использование продовольственных товаров из войсковых фондов; увеселительные мероприятия; огромная разница между расходами командующего Западного фронта и его официальной зарплатой и тому подобное. К тому же, Михаил Тухачевский конфликтовал с политорганами Красной Армии. Так, институт комиссаров он всегда считал "ненормальным наростом на шее армии, мешавшим управлять головой". Осенью 1923 г. он пошел на резкое обострение отношений с политработниками. Как следует из агентурной сводки Особого отдела Западного фронта от 12 октября 1923 г., Михаил Тухачевский намеревался выехать в Москву для личной встречи с Львом Троцким, перед которым хотел поставить вопрос ребром: он уходит с поста командующего фронтом или своих постов лишаются руководители политической работы на фронте. При этом военные чекисты не могли оценить степень лояльности военачальника к советской власти.

Чехословацкий украинский эмиграционный еженедельник "Новая Украина" уж очень лаконично и едко отреагировал на эту информацию:

"Що ми можемо сказати про Тухачевського? Тільки те, що "Сову видно по пір'ям", а "Соловейка пісні годують" [10, л. 3].

По информационному параметру, как помним, слухи подразделяются на: абсолютно недостоверные, просто недостоверные, достоверные и близкие к действительности. Так, например, за все, собственно, десятилетие Ве-

ликой депрессии (1929–1939 гг.), затронувшую промышленную Чехию и аграрную Словакию, в среде белорусской, украинской и русской диаспоры, особенно в 1929–1933 гг., в пик Депрессии, "в унисон" бытовал недостоверный слух о конце света [11, л. 11]. Слух этот был связан с известной нам кометой Галлея, которая еще с древнейших времен предвещала войны, стихийные бедствия, гибель урожая и эпидемии. Ожидая конца света, эмигранты были в ужасе, и комета подтверждала, казалось бы, все их опасения.

Если же говорить о сплетнях, то в эмиграционной среде Праги сплетни, как правило, затрагивали тех личностей, (не всегда выдающихся или примечательных, заметим к слову), кто просто имел "пунктик" – хобби или сознательно скрывал о себе информацию.

В 1923–1933 гг. "вся эмиграционная и неэмиграционная чехословацкая столица" знала кладоискателя – преподавателя Украинского высшего педагогического института имени М.Драгоманова – Григория Омельченка. Его успехи в кладоискательстве, как и сама личность преподавателя, обрастали не раз различными домыслами и сплетнями. "Не иначе, как фарт или нечистая сила помогают ему!" Когда как, собственно, биография у господина Омельченка была что ни на есть прозаическая. Кубанец, член Украинской радикально-демократической партии, преподавательский хлеб начал зарабатывать с 1915 г., когда возглавил две средние школы в станице Полтавской по приказу попечителя Кавказского учебного округа. С 1917 г. – член Кубанского законодательного совета и Кубанской Конститутанты. Ярый противник Деникина. После ареста деникинцами, был отпущен на поруки и отправлен за границу. В 1922 г. приехал в Прагу "с польских территорий" и стал студентом Украинского свободного университета; а с 1925 г. и до самых последних дней существования УВПИ проработал вузовским преподавателем. Григорий Омельченко в Драгомановском педагогическом возглавлял помимо прочего Экскурсионное Бюро с 1927-го по 1933-й гг. [12, л.2–5].

В ЧСР, собственно, Григория Омельченка больше всего интересовал замок Карлштейн – отреставрированная на то время бывшая резиденция короля Карла IV в 35-ти километрах от Праги. Карлштейн был примечателен сам по себе двумя историческими моментами: "газовой атакой" гуситов, в ходе которой, собственно, замок едва не был сдан в 1427 г., и наличием колодца – старинного памятника XIII века, глубиной 80 метров. Омельченко был почему-то твердо уверен в том, что колодец – врата в эдакую "пещеру Аладдина", поскольку из замка в 1436 г. император Сигизмунд, второй сына Карла IV, не успел вывезти внушительную часть сокровищ. Любимый Омельченком непривычный старинный меха-

низ выемки воды в колодце не раз заставлял вздрагивать и креститься экскурсантов. Поэтому, в чешских "господах" (пабах), в душевных посиделках за бокалом "Staropramena" – еще одной психологической эмиграционной терапии – национальные общины даже устраивали тотализатор между собой, пытаясь угадать, осчастливит ли удача кладоискателя – чудака, собственно, в Карлштейне [13, л.14].

Но все вышесказанное, как говорится, "темная сторона" слухов и сплетен. Тогда как "светлая" заключается в том, что играя определенную роль в эмигрантском общении на уровне массовой обыденной психологии, слухи и сплетни имели полезные функции как минимум в нескольких аспектах.

Во-первых, они – возможность релаксации человека,

периодически устающего от подчас жестких норм официального общения.

Во-вторых, слухи и сплетни – "демонстративная канализация" протеста, неизбежно накапливающегося у людей в слишком жестко организованном обществе, коим выступала эмигрантская община.

В-третьих, слухи и сплетни создавали условия для реструктурирования эмоциональной сферы самых эмигрантов (избавление от одних эмоций и приобретение других).

Таким образом, из "одномерного" человека, благодаря неформальным массовым информационным процессам (слухам и сплетням) в 1920-х–1930-х гг., пражский эмигрант превращался в относительно "многомерного".

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбатов Д.С. Психология слухов и сплетен. СПб.: Речь, 2012. 233с.
2. Горбатов Д.С. Сплетничество как социально-психологический феномен // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С.64–72.
3. Русско-немецкий авторский проект. Слухи в России XX в. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://histseme.ru/articles/44-sluhi-v-rossii-hh-v.html>
4. Капферер Жан-Ноэль. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда /пер. с англ. Е.В.Виноградовой; под общ.ред. В.Н.Домнина. М.: Вершина, 2007. 448 с.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: Спектр. 3-е изд., 2002. 637с.
6. Аврус А. И. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М.Чернова. Саратов: Изд-во. Саратов. у-та, 2013. 300 с.
7. Ковалев М.В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920-е–1930-е годы: исторические очерки. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т имени Ю.А.Гагарина, 2014. 154с.
8. Зубко О. Створення та діяльність Українського вищого педагогічного інституту ім. М.Драгоманова в Празі (1923–1933рр.): дис. канд. іст. наук. 09.00.12. Київ, 2010. 224с.
9. Касян В. З мого життя // "Хроніка – 2000". Український культурологічний альманах. "Україна–Чехія". Ч.ІІ. Випуск. 29–30. Рік видання VIII. Київ, 1999. Фонд сприяння розвитку мистецтв України. С. 253–290.
10. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г.Киеве (ЦГАВОВ Украины). Ф. 3865. Оп. 1. Д. 1.
11. ЦГАВОВ Украины в г.Киеве. Ф. 3801. Оп. 1. Д. 305.
12. ЦГАВОВ Украины в г.Киеве. Ф. 3972. Оп. 1. Д. 274
13. ЦГАВОВ Украины в г.Киеве.Ф. 3563. Оп. 1. Д. 240.

© О.Е. Зубко, А.Ю. Суслов, (zubko1975@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"Ни о чем не думает лишь тот,
кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама